

ПРОБЛЕМА ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА В РОМАНЕ ДЖ. ХАРРИС «ПЯТЬ ЧЕТВЕРТИНОК АПЕЛЬСИНА»

© Лилия Хабибуллина, Наталия Романова

THE PROBLEM OF TRAUMATIC EXPERIENCE IN J. HARRIS'S NOVEL “FIVE QUARTERS OF THE ORANGE”

Liliya Khabibullina, Nataliya Romanova

The article is based on J. Harris's novel “Five Quarters of the Orange” (2001) and traces the tendencies in depicting World War II in English literature; it examines the problem of the traumatic experience of World War II in modern British literature, as this war was one of the most traumatic episodes of world history. In the 20th century, according to trauma studies, the theme of World War II received a new development in fiction, the writers' focus shifted from a large-scale description of the war horrors to the private lives of certain social groups, namely children. In her work, J. Harris examines the period of collaborationism, traumatic for France, in the way children, direct participants of the relationship between the French and Germans, viewed it. J. Harris creates a number of “tricks” that help reconcile the reader with the characters' peaceful interactions with the Germans; the author does it by using traditional narrative techniques: introducing a heroine-narrator, connecting two temporal layers (the past and the present of Framboise Dartigen), as well as using an additional narrative basis in the form of a handwritten book. One of these tricks is the constant narrator's commentary, explaining her childhood actions and motives. At the plot level, traumatic events are associated not only with the actions of the Germans (for example, violence against Ren-Claude), but also with the actions of the French villagers, who take revenge on the protagonist's family for their own relatives. Thus, the article deals with the representation of traumatic experience in the novel; moreover, we face various forms of trauma in it. Such multilevel organization of the text allows J. Harris to realize the generally accepted point of view associated with the disfavor of collaborationism at the plot level and, at the same time, to provide an opportunity for a complex and ambiguous characterization of the historical events at the narrative and authorial level.

Keywords: modern literature, World War II, trauma studies, historical trauma, J. Harris.

В статье прослеживаются тенденции изображения Второй мировой войны в зарубежной литературе, рассматривается проблема травматического опыта в современной британской литературе на материале романа Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина» (2001), так как Вторая мировая война является одной из наиболее серьезных травм для человечества. Так, в контексте исследований проблемы травматического опыта (trauma studies) тема Второй мировой войны в XX веке получает новую интерпретацию в художественной литературе, внимание писателей смещается с масштабного описания ужасов войны на частные жизни определенных социальных групп, а именно детей. Дж. Харрис в своем произведении рассматривает травматичный для Франции период коллаборационизма с точки зрения детей – непосредственных участников взаимоотношений французов и немцев. Используя традиционные повествовательные приемы: вводя героиню-повествовательницу, соединяя два временных пласта (прошлое и настоящее Фрамбузы Дартижан), а также дополнительную повествовательную основу в виде рукописной книги, Дж. Харрис создает ряд «уловок», помогающих примирить читателя с мирным взаимодействием героев с немцами. Одной из них становится постоянный комментарий рассказчицы, объясняющей свои детские поступки и мотивы. На сюжетном уровне травматические события связаны не только с поступками немцев (насилие над Рен-Клод), но и с поступками жителей деревни, французов, мстящих за своих родных семье главной героини. Таким образом, в статье рассматривается отображение травматического опыта на нескольких уровнях произведения, причем речь идет о различных травмах. Такая многоуровневая организация текста позволяет Дж. Харрис, на сюжетном уровне реализуя общепринятую точку зрения, связанную с осуждением коллаборационизма, на повествовательном и авторском уровнях дать возможность сложной и неоднозначной оценки исторического прошлого.

Ключевые слова: современная литература, Вторая мировая война, теория травмы, историческая травма, Дж. Харрис.

Самой значительной коллективной травмой второй половины XX столетия остается Вторая мировая война; это утверждение справедливо для большинства европейских литератур, в том числе для английской и французской. Тема войны остается не только одной из самых распространенных в мировой литературе, но и одной из самых сложных для интерпретации, что свидетельствует о том, что коллективная травма в европейском обществе не преодолена вплоть до сегодняшнего времени и требует дальнейшего изучения. Осмысление этого травматического опыта в литературе переживает различные этапы: от этапа «свидетельства» в романах Дж. Олдриджа «Дело чести» («Signed with Their Honour», 1942), «Морской орел» («The Sea Eagle», 1944), Г. Грина «Пойманные» («Caught», 1943), Дж. Б. Пристли «Затмение в Гретли» («Blackout in Gretley», 1942) и др. к осмыслению войны через призму восприятия поколения «детей» (Й. Макьюэн, К. Исигуро); далее война продолжает осмысливаться и поколением «внуков», к которым относятся и Джоанн Харрис («Joanne Michèle Sylvie Harris», 1964). Параллельно наблюдается процесс освоения этой темы в массовой литературе: в шпионских романах Я. Флеминга «Мунрейкер» («Moonraker», 1955), Р. Харриса «Энигма» («Enigma», 1995), в жанре альтернативной истории («СС-Великобритания» («SS-GB», 1975) Л. Дейтона, «Операция „Протей“» («The Proteus Operation», 1985) Дж. Хогана, «Фатерланд» («Fatherland», 1992) Р. Харриса, «Как творить историю» («Making History», 1996) С. Фрая), пик этого процесса пришелся на последние десятилетия XX века [Хабибуллина]. Эти явления подробно рассматриваются в постсоветском литературоведении, в частности в работах А. Саруханян и О. Судленковой [Саруханян], [Sudlenkova]. Рост интереса к теме войны А. Саруханян связывает с политикой неоконсерватизма в Англии этой эпохи. Она отмечает, что в основе растущего интереса английских писателей ко Второй мировой войне может лежать беспокойство за судьбу мира, чувство ностальгии, желание сакцентировать роль Англии в победе над фашизмом [Саруханян]. Отметим в связи с этим, что данная тенденция свидетельствует о неготовности еще во второй половине XX века объективно анализировать сложные и травматичные для национального самосознания обстоятельства войны.

В новом – двадцать первом – столетии наблюдается интерес к тем болезненным темам, которые составляют основу национальной трав-

мы для каждой страны и не могли быть по разным причинам рассмотрены ранее. Часто эти темы поднимаются писателями со смешанной идентичностью, например в творчестве К. Исигуро рассматривается как неприятная для Великобритании тема попыток англичан наладить отношения с немцами накануне войны («Остаток дня» («The Remains of the Day», 1989)), так и тема японского милитаризма и последующее отсутствие сопротивления американизации, которая очевидно травматична для японской культуры («Там, где в дымке холмы» («A Pale View of Hills», 1982), «Художник зыбкого мира» («An Artist of the Floating World», 1986)).

Джоанн Харрис, имеющая репутацию «женской» писательницы, получившая известность благодаря экранизации ее романа «Шоколад» («Chocolat», 1999) и прославившаяся «кулинарным» аспектом своего творчества [Каркавина], [Кузина], в романе «Пять четвертинок апельсина» («Five Quarters of the Orange», 2001) решает коснуться одной из самых болезненных для своей «второй родины», Франции, тем – темы коллаборационизма французов во время немецкой оккупации. Одной из отличительных черт данного произведения является описание военного времени с точки зрения ребенка.

В 1980–90-х годах появились работы по теории травмы – trauma studies (труды Д. ЛаКапры, К. Карут) [LaCapra], [Caruth]. В гуманитарных науках сложилось представление о коллективной, а затем и о личной травме, а также были рассмотрены способы преодоления травматического опыта [Tal], [Nadal]. Наличие концепции и созданная теория предопределили на рубеже XX–XXI веков новые тенденции в изображении в художественных произведениях Второй мировой войны, в том числе в связи с темой детства [Киприна, Мороз, Суверина].

Именно изображение войны с «детской» точки зрения становится одной из заметных тенденций литературы начала XXI века, способом через детскую неосознанность объяснить те травматичные явления, которые стали предметом осуждения для многих послевоенных поколений – предательство, сотрудничество с оккупантами, жестокость и насилие. Своего рода «переходным» произведением к романам такого плана можно назвать роман Й. Макьюэна «Невинный, или Особые отношения» («The Innocent», 1990), где молодой герой, англичанин Леонард Марнем, приехавший в Берлин уже после войны и считавший все ужасы и жестокости военного време-

ни чем-то далеким от своего уютного английского мира, за короткий срок становится насильником, убийцей и предателем, то есть субъектом, а не объектом насилия. Важно отметить, что герой, даже совершая насильственные действия по отношению к другим людям, по собственному мнению, остается в позиции «невинного», обосновывая это тем, что по праву рождения принадлежит к «светлой стороне».

Затем несколько знаковых произведений, транслирующих «детскую» точку зрения на войну, выходят практически одновременно, в самом начале XXI века, что позволяет говорить о некой тенденции в национальной литературе. В романе того же Макьюэна «Искушение» («Atonement», 2001) война выступает как исторический фон, подчеркивающий и оттеняющий роковой характер детской ошибки главной героини, заигравшейся в автора и режиссера. Важно, что для такого фона Макьюэн выбирает одно из самых неоднозначных и страшных военных событий для англичан – битву за Дюнкерк, которая сама по себе становится одной из важнейших национальных травм для Великобритании и Франции. Длительное отступление союзных войск, преимущественно британских, и их последующая достаточно бесславная (по мнению некоторых историков) эвакуация ознаменовали в определенной степени беспомощность Англии перед нацистской Германией. Для Франции же эта неудачная попытка освобождения союзниками стала одной из последних акций сопротивления гитлеровскому захвату; впоследствии в считанные недели она капитулировала и приняла коллаборационистский режим [Бурлаков].

Майкл Фрейн («Michael Frayn», 1933) обращается к той же проблеме роковой ошибки, причиной которой стала детская неосознанность, в романе «Шпионы» («Spies», 2002). С произведением Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина» этот роман объединяет сюжетная доминанта спонтанной детской игры, которая приводит к трагическим и непоправимым последствиям. В обоих произведениях главными героями являются дети, которые во время Второй мировой войны из-за детского недопонимания ситуации или ее неправильной интерпретации в ходе игры совершают те или иные ошибки. Повзрослевшие же герои в данных романах пытаются исправить ошибки прошлого путем проговаривания своих травм и распутывания «загадок», поиска логического обоснования того, что же произошло с ними во время войны.

Джоанн Харрис выбирает для своего романа давно устоявшуюся нарративную модель, когда повествователь и главная героиня романа, Фрам-

буаза Дартижан, описывая свое детство, и транслирует точку зрения маленькой Буаз, и объясняет ее с позиции взрослой повествовательницы [Ализаде]. Кроме того, организация сюжета связана с еще одним устоявшимся приемом – введением некоей рукописи, в данном случае дневника матери, как повода и дополнительной основы для повествования.

Как уже отмечалось, авторский уровень повествования связан с интерпретацией исторической травмы французского народа – историей коллаборационизма. Здесь автор использует на образно-сюжетном уровне целый ряд «уловок» для объяснения, если не оправдания поведения своих персонажей. В случае Фрамбуазы и ее брата и сестры таким оправданием становится детская наивность. В случае их матери – ее постоянная мигрень и связанная с этим наркотическая зависимость. Дополнительным фактором является мальчишеское обаяние их главного «соблазнителя», Томаса Лейбница, его хитрость и то, что он действовал не в интересах нацистской Германии, а в собственных интересах, шантажируя виновных в мелких «преступлениях». Этот герой становится посредником между детьми и их матерью, с одной стороны, и «настоящими» нацистами, несущими «настоящее» зло (изнасилование Рен-Клод, убийство старика Боше, расстрел жителей деревни) – с другой. Помимо немцев, героям противопоставлены жители деревни, которые нападают на дом одинокой матери с тремя детьми, готовые растерзать ее за смерть своих близких: эта сцена, обнажающая животную природу «простых людей», «жертв фашизма» служит еще одним дополнительным фактором, определяющим неоднозначность ситуации. Все эти обстоятельства призваны, судя по всему, продемонстрировать сложность каждого конкретного эпизода военной истории, множественность факторов, которые могли привести к неполадкам, в общем, людей к коллаборационизму. Авторские усилия по оправданию героев и примирению читателя с их поступками (и посредством этого, и, хотя бы отчасти, с самим явлением коллаборационизма) проявляются и на повествовательном уровне посредством постоянных рассуждений о специфике детского восприятия ситуации оккупации Франции:

«Мы никому не желали причинить боль; и все же заноза в глубине моей души настаивает, что это не совсем так, там хранится четкая и неумолимая память о том, как все было на самом деле» [Харрис, с. 89],

об игровом восприятии мира и исторического момента у детей:

«Нами действительно руководило чистое любопытство, когда мы „выслеживали“ их, и мы повторяли ругательства „грязные боши“, „нацистские свиньи“, всего лишь инстинктивно подражая родителям» [Там же, с. 75].

Структура повествовательного уровня также не является новаторской – Фрамбуаза Дартижан вспоминает о прошлом и одновременно разрешает проблемы в настоящем, уходящие корнями в прошлое. Глубина травматического опыта определяется количеством лет, которые понадобились для того, чтобы героиня смогла начать разбираться со своим прошлым, это пятьдесят пять лет, которые четко обозначены в тексте:

«Таков уж мой способ повествования; и это только мое дело, сколько времени я потрачу на рассказ. Если уж мне понадобилось целых пятьдесят пять лет, чтобы его начать, то теперь дайте мне и закончить его так, как мне самой нравится» [Там же, с. 5].

Травматический опыт придает исключительную значимость всему, что с ним связано, и, наоборот, остальная жизнь воспринимается как менее значительная, своего рода «перерыв»:

«И годы, прожитые с Эрве, я теперь вспоминаю, как пробелы своей биографии, как тихие полосы воды, которые порой встречаются среди штормящего моря» [Там же, с. 9].

Специфика повествовательного уровня во многом определяется сложной временной организацией. Пересечение прошлого и настоящего, где события прошлого определяют сюжетные перипетии настоящего, служит, на наш взгляд тому, чтобы подчеркнуть глубину военной травмы для участников событий. На протяжении всего романа подчеркиваются и исключительная сложность возвращения к травматическим событиям, и особые качества повествовательницы, которые дают ей силы не только вернуться в родную деревню, но и обнародовать, в конце концов, историю своей семьи, преодолев страх перед прошлым. Полнота истории достигается только при сопоставлении рассказа повествовательницы и информации из книги ее матери:

«в моей истории, как и в материнском альбоме, страницы не пронумерованы. Да и начала-то, собственно, нет, а конец выглядит отвратительно, точно неподшитый, обтрепавшийся подол юбки» [Там же, с. 9].

В связи с «книгой» Мирабель Дартижан можно отметить еще ряд особенностей, которые определяют специфику читательского воспри-

ятия ситуации: во-первых, это нарочитое вписывание истории в бытовой, даже «хозяйственный» контекст, акцентирующий специфику женского опыта. Самые шокирующие сведения о любовной связи Мирабель с Томасом Лейбницем, замешанной на необходимости получать морфий, и женском одиночестве перемежаются со строками кулинарных рецептов.

В то же время необходимость этого возвращения к тяжелому опыту, необходимость проговаривания и преодоления травмы демонстрируется через судьбы участников событий, каждый из которых переживает последствия ее замалчивания и страдает от страха разоблачения по своему. Сразу после катастрофы члены семьи разъезжаются, дети, вырастая, теряют связь друг с другом. Рен-Клод, самая слабая из семьи, заканчивает дни в психиатрической клинике, Кассис, хитрый и трусливый брат, порождает слабое, алчное и недостойное потомство, отравляющее жизнь Фрамбуазы, у самой героини не складываются отношения с дочерьми. Исключением становится лишь Поль Урия, с самого начала ставший прежде всего свидетелем событий и сумевший уже на ранней стадии истории во многом искупить свою вину в том, что он стал причиной гонений на семью, спасая их в кульминационный момент погрома от гибели. Заикание Поля, которое и явилось отчасти причиной этой ситуации, метафорически выражает общую неспособность высказаться, характерную для всех участников трагедии. Лишь Поль и Фрамбуаза, сумевшая проработать травму своей семьи за всех четверых, обретают в финале покой и даже позднее счастье, благодаря тому что находят возможность рассказать о тяжелом прошлом, на что не могли решиться много лет назад:

«Это не ей нужно было рассказать людям всю правду. Это должны были сделать мы. Это я должна была сделать. <...> Правду могла раскрыть только я одна» [Там же, с. 389],

– говорит Фрамбуаза в ответ на упрек Поля в адрес ее матери.

На уровне сюжета главным травматическим событием, предопределившим судьбу героев, становится насилие над Рен-Клод и последующая травля семьи, вызванная расстрелом десяти жителей деревни. Специфика травматического события связана с тем, что члены семьи, прежде всего сама повествовательница, становятся и объектом и субъектом травмирующих событий, переживая и опыт жертвы, и опыт вины и ответственности за трагедии других:

«они звучат в памяти вновь и вновь, как рефрен, который не отвяжется ни за что и никогда, внезапно вырывают из сна, шагают из сновидения в сновидение, с неумолимой четкостью впечатываясь в ход и ритмы моей жизни» [Там же, с. 400].

Предшествующая этому случайная гибель Томаса Лейбница, которая предопределена в сюжете одержимостью маленькой Фрамбуазы историей о Старой щуке, выполняющей желания, и силой ее детской страсти, становится поводом для разворачивания этой ситуации, но не собственно травмой для семьи, связанной с ним, казалось бы, узами любви и дружбы. Важно, что в романе не только дети, но и взрослые действуют из поверхностных и корыстных соображений. Сам Лейбниц за спиной сослуживцев или в сговоре с ними вымогает деньги у «жертв» детей, Мирабель Дартижан идет на поводу у своей чувственности. Новаторство Харрис в том, что это совершенно не влияет на оценку персонажей, сохраняющих свои привлекательные черты, не отнимает у них права на глубокие взаимные чувства, пусть и не осознаваемые сразу.

Способ построения сюжета свидетельствует о сознательном отказе автора от построения образа врага в отношении немцев, что тоже во многом идет вразрез с традицией изображения военной эпохи. Так, один из первых эпизодов, демонстрирующих взаимоотношения оккупантов и местного населения, построен по традиционной схеме городского анекдота и, скорее всего, является повтором такового. Немец, пришедший за скрипкой к местному старику, получает остроумный ответ: «*Скрипка, mein Herr, она ведь как женщина. Ее взаймы не дают*» [Там же, с. 73], далее за дверью слышится хохот немца – ситуация разрешается, начинается создаваться образ «мирных» немцев, которые существуют по тем же законам, что и жители деревни, таких же людей. Эта особенность впоследствии повторяется в связи с образом Томаса Лейбница: «*Он был одним из нас, вот и все. Он играл по нашим правилам*» [Там же, с. 155]. Разделение на своих и чужих у детей в романе проходит отнюдь не по границе французы-немцы, а по границе дети-взрослые. Это дает им возможность легко выдать немцам учителя латыни в наказание за его строгость и легко воспринять последствия: «*так что теперь у нас вместо латыни дополнительный урок географии с мадам Ламбер, и никому не известно, что произошло с нашим латинистом*» [Там же, с. 83], давшие им возможность почувствовать власть над взрослыми. Объяснение этому автор дает, ссылаясь на особенности детской психологии: «*образ врага был все же лишен должного смысла. Возможно, из-за того, что и*

лицо-то отца я помнила смутно» [Там же, с. 85]. Следующий в этом ряду эпизод с мадам Пети, которую Фрамбуаза случайно выдает Лейбницу, проливает свет на истинное положение вещей:

«Немцы тоже каждый грош откладывают и посылают домой. Вот и вынюхивают все про разных людей, а потом заставляют их платить, обещая молчать про их делишки. Ты же сама слышала, как он тогда мадам Пети назвал настоящей торговкой с черного рынка» [Там же, с. 164].

Благодаря последовательности этих эпизодов создается образ неполярного мира, где дети и взрослые совершают ошибки, руководствуясь примитивной выгодой, личными отношениями, собственными привязанностями и антипатиями, что размывает границы общей системы нравственных и национальных ценностей. Однако эта точка зрения последовательно приписывается именно персонажам, она если и оправдана, то их детским неведением.

Несмотря на эту необычную систему авторских «уловок», окончательная авторская система ценностей все же определяется общей сюжетной схемой: дети стали выдавать французов немцу, в результате чего погиб он сам, погибли жители поселка, разрушена жизнь семьи. Многочисленные сюжетные и повествовательные уловки служат для проработки исторической травмы на авторском уровне через введение сюжета травмы на уровне персонажей.

В последние десятилетия интерес к теме Второй мировой войны сохраняется, однако качество этого изображения меняется: война рассматривается как исторический фон, способствующий проявлению особенностей человеческой личности в травматической ситуации. В то же время литература начала нового века начала осмысливать самые серьезные исторические травмы прошлого. Так, Джоан Харрис, не создавая новых способов изображения прошлого, а используя вполне устоявшиеся повествовательные приемы, тем не менее создает многоуровневое произведение, в котором транслирует сложную точку зрения на травматический опыт коллаборационизма и демонстрирует возможности неоднозначной оценки этого явления.

Список литературы

Ализаде А. А. Осознание жизненных приоритетов в прозе Джоанн Харрис // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сборник статей по материалам VI международной научно-практической конференции. № 1(5). 2018. С. 88–95.

Бурлаков А. Н. Французская историография о немецкой оккупации Франции (1940–1944 гг.) // *Clio-Science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза*. Вып. III. 2012. С. 288–304.

Каркавина О. В. Особенности репрезентации концептосферы «еда» в романе Джоанн Харрис «Пять четвертинок апельсина» // *Культура и текст*. 2020. № 3 (42). С. 150–160.

Киприна С. В. Развитие темы детства в английской литературе второй половины XX века // *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2011. № 1. С. 153–158.

Кузина М. А. Экзотизация vs. декзотизация кулинарной лексики в художественной литературе (на примере романов Дж. Харрис и Ч. Б. Дивакаруни) // *Преподаватель XXI век*. 2021. № 1–2. С. 313–325.

Мороз О. В., Суверина Е. В. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // *НЛО*, 2014. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/125/8m.html>. (дата обращения: 30.07.2021).

Саруханян А. П. Частные судьбы людей и история. Английская литература о второй мировой войне // *Вторая мировая война в литературе зарубежных стран* / отв. ред. П. М. Топер. М.: Наука, 1985. С. 466–491.

Хабибуллина Л. Ф. Вторая мировая война в современной литературе // *Филология и культура. Philology and Culture*. Вестник ТГТТУ. 2015. №2 (40). С. 264–269.

Харрис Дж. Пять четвертинок апельсина / пер. с англ. Тогоева Ирина. М.: Эксмо-Пресс, 2013. 448 с.

Caruth C. *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative, and History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 208 p.

LaCapra D. *What is Essential To The Humanities // Do The Humanities Have to Be Useful?* / Ed. by P.G. Lepage, C. Martin, M. Mostafavi. Cornell: Cornell University Press, 2006. P. 75–85. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268033286/25la c.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

Nadal M. *Trauma in Contemporary Literature. Narrative and Representation* / Edited by M. Calvo. Routledge, 2014. 260 p.

Sudlenkova O. *English Literature on the Theme of the Second World War* // *Тропа. Современная британская литература в российских вузах*. 2008. № 1. P. 17–23.

Tal K. *Worlds of Hurt: Reading the Literatures of Trauma*. New York: Cambridge University Press, 1996. 296 p.

References

Alizade, A. A. (2018). *Osoznanie zhiznennykh prioritov v proze Dzhoann Kharris* [Awareness of Life Priorities in Joanne Harris's Prose]. *Kul'turologiia, filologiia, iskusstvovedenie: aktual'nye problemy sovremennoi nauki: sbornik statei po materialam VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. No. 1 (5), pp. 88–95. (In Russian)

Burlakov, A. N. (2012). *Frantsuzskaia istoriografiia o nemetskoj okkupatsii Frantsii (1940–1944 gg.)* [French

Historiography about German Occupation of 1940–1944]. *Clio-Science: problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza*. No. III, pp. 288–304. (In Russian)

Caruth, C. (1996). *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative, and History*. 208 p. Baltimore, Johns Hopkins University Press. (In English)

Karkavina, O. V. (2020). *Osobennosti reprezentatsii kontseptosfery "eda" v romane Dzhoann Kharris "Piat' chetvertinok apel'sina"* [Peculiarities of the Representation of the "Food" Concept Sphere in the Novel by Joanne Harris "Five Quarters of the Orange"]. *Kul'tura i tekst*. No. 3 (42), pp. 150–160. (In Russian)

Khabibullina, L. F. (2015). *Vtoraia mirovaia voina v sovremennoi literature* [World War II and Modern Literature]. *Filologiia i kul'tura*. *Vestnik TGGPU*. No. 2 (40), pp. 264–269. (In Russian)

Kharris, Dzh. (2013). *Piat' chetvertinok apel'sina* [Five Quarters of the Orange]. Transl. Tогоева Ирина. 448 p. Moscow, Eksmo-Press. (In Russian)

Kiprina, S. V. (2011). *Razvitie temy detstva v angliiskoi literature vtoroi poloviny XX veka* [The Development of the Subject "Childhood" in the English Literature of the Second Half of the 20th Century]. *Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva*. No. 1, pp. 153–158. (In Russian)

Kuzina, M. A. (2021). *Ekzotizatsiia vs. dekzotizatsiia kulinarnoi leksiki v khudozhestvennoi literature (na primere romanov Dzh. Kharris i Ch.B. Divakaruni)* [Culinary Terms for Ethnic Food in Belles-Lettres (in the novels by Joanne Harris and Chitra Banerjee Divakaruni)]. *Prepodavatel' XXI vek*. No. 1–2, pp. 313–325. (In Russian)

LaCapra, D. (2006). *What is Essential to the Humanities. Do The Humanities Have to Be Useful?* Ed. by P. G. Lepage, C. Martin, M. Mostafavi. Pp. 75–85. Cornell, Cornell University Press. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268033286/25lac.pdf> (accessed: 30.07.2021). (In English)

Moroz, O., Suverina, E. (2014). *Trauma studies: Istoriia, reprezentatsiia, svidetel'* [Trauma Studies: History, Representation, Onlooker]. *NLO*, No. 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/125/8m.html>. (accessed: 30.07.2021). (In Russian)

Nadal, M. (2014). *Trauma in Contemporary Literature. Narrative and Representation*. Edited by M. Calvo. 260 p. Routledge. (In English)

Sarukhanian, A. P. (1985). *Chastnye sud'by liudei i istoriia. Angliiskaia literatura o vtoroi mirovoi voine* [Personal Life and History. British Literature about World War II]. *Vtoraia mirovaia voina v literature zarubezhnykh stran*. Otv. red. P. M. Toper. Pp. 466–491. Moscow, Nauka. (In Russian)

Sudlenkova, O. (2008). *English Literature on the Theme of the Second World War. Tropea*. *Sovremennaiia britanskaia literatura v rossiiskikh vuzakh*. No. 1, pp. 17–23. (In English)

Tal, K. (1996). *Worlds of Hurt: Reading the Literatures of Trauma*. 296 p. New York, Cambridge University Press. (In English)

The article was submitted on 20.08.2021

Поступила в редакцию 20.08.2021

Хабибуллина Лилия Фуатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fuatovna@list.ru

Романова Наталия Вадимовна,
магистрант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Romanova.n.00@mail.ru

Khabibullina Liliya Fuatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fuatovna@list.ru

Romanova Nataliya Vadimovna,
Master's student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Romanova.n.00@mail.ru